

Brontekst: W.F.Hermans. Madelon in de mist van het schimmenrijk.

W.F.Hermans. Volledige werken, Dl.6, pp. 667-677.

Vertaald in het Russisch door Irina Michajlova

В.Ф.Херманс (Перевод И.М.Михайловой)

Маделон в туманном царстве теней. Отрывки из дневника
студента Карела Р., который он вел во время войны

Понедельник, 6 марта 1944 г. Сегодня утром пятнадцать минут простоял у Главпочтамта в ожидании Маделон. Пришел заранее, и делать было нечего. Солнце светило, но грело слабо. Около двенадцати часов она показалась в своей шубке на балконе.

У всех помещений Главпочтамта на втором этаже есть узенькие французские балкончики, на которые можно выйти, распахнув двустворчатую дверь; надо же, никогда раньше этого не замечал.

Маделон перегнулась через ограждение и крикнула:

- Сейчас покормлю чаек!

Но зима уже слишком давно миновала, так что прилетели всего две-три чайки; кусочки хлеба, которые Маделон бросала для них в воздух, падали на тротуар, словно предназначались для меня.

Ровно в тот миг, когда на Королевском дворце заиграл карильон, она спустилась ко мне.

- Какой ты сегодня серьезный, - сказала она, - что-то случилось?

- У меня есть все основания быть серьезным. Вчера расстреляли моего лучшего друга.

Я объяснил ей, что и как. Старался рассказывать не больше того, что, вероятно, попадет в газеты. Сказал, что мой друг пошел лечить зубы к дантисту, доносившему немцам на своих пациентов-евреев, и пристрелил этого дантиста в такое время, когда знал, что в комнате ожидания на первом этаже никого уже нет.

- У него не было велосипеда. Служанка услышала выстрел и закричала. Так что ему надо было скрыться с места преступления как можно быстрее. Вот он и схватил первый попавшийся велосипед, стоявший у дверей дома. Все добродетельные сограждане закричали «держи вора!» А на улице Ван Барле мойщик окон бросил свою приставную лестницу поперек дороги.

- Откуда ты все это знаешь?

Как можно спокойнее я изложил выдуманную версию: меня там, разумеется, не было. Мне все рассказал его отец... Наверное, немножко приукрасил. Но моего друга теперь нет в живых, это точно.

Вторник 7 марта 1944 г. Выходит, я и правда влюблен в Маделон? Думаю о ней больше, чем о Дауэ, и в ушах у меня уже не звучат его последние слова: «Нннет... Ддавай ттты сссадись...», произнесенные, когда он с помощью моего ножа уже взломал замок на том велосипеде, который повез его навстречу смерти. Я на велосипед не сел.

Ко мне обратилась какая-то старушенция:

- Вот мерзавец, это у вас он украл велосипед?

- Нет, это его собственный. Он просто потерял ключ от замочка.

Я был единственным, кто не погнался следом за Дауэ. А пошел домой в обычном темпе. Сердце мое еще долго колотилось с удвоенной силой.

Страх, что меня разоблачат как сообщника Дауэ, теперь уже поутих. Мои фальшивые документы в полном порядке и на самом деле настоящие. По документам я железнодорожный служащий. Даже мои родители не знают, где я сейчас живу. Но несмотря на все это в последние три месяца я постоянно испытывал беспокойство. А тем, что теперь иногда подолгу чувствую себя так, будто ничего не случилось, я обязан моей красавице-телеграфистке.

Среда, 8 марта 1944 г. Без этого волнения, без заговорщицкого возбуждения, я уже не могу жить. В первые недели после ареста Дауэ я чувствовал себя таким

беспольным, таким трусом... И ведь как жутко я должен был бы стыдиться мысли, от которой сейчас испытываю облегчение: «Теперь, когда Дауэ нет в живых, тебе нечего бояться. Он уже никого не выдаст. Если я до конца войны не буду ни во что ввязываться, то со мной ничего и не произойдет».

К счастью, Михилю пришел в голову потрясающий план. Правда, это не совсем заговор, но тоже опасная затея, в которой участвуем мы двое. И больше никаких сообщников, так что никто не сболтнет лишнего.

Михиль тайком собирает радиопередатчик. Чтобы передавать в Англию сообщения азбукой морзе. Довольно-таки дилетантское мероприятие, потому что ни один из нас не служил в армии и, соответственно, совершенно не разбирается в этом деле. Но наша затея достаточно захватывающая, чтобы я оставался в тонусе и не слишком страдал от угрызений совести.

К сожалению, Михиль не знает азбуки морзе, и я тоже. Но он придумал прекрасное решение этой проблемы.

- Ты соблазнишь телеграфистку. А когда она будет в твоей власти, мы воспользуемся ее услугами для передачи радиogramм.

- Но где мы ее возьмем?

У Михиля был ответ и на этот вопрос.

- К-03. Номер для отправки телеграмм по телефону. Разговор бесплатный. Набираешь К-03. И на том конце провода – целый зал милых девушек, отлично владеющих морзянкой.

Чтобы показать, что я не вчера родился, тут же снял трубку и набрал К-03.

- Здравствуйте, барышня, - произнес я немного неуверенно, - скажите пожалуйста, как вы изволите поживать?

Довольно низкий голос, звучавший чуть в нос, ответил мне:

- Я глубоко тронута вашим вниманием. Спасибо, я поживаю хорошо.

- Послушайте, любезная барышня! – воскликнул я, осмелев, - ваш голос настолько волнует меня, что мне хотелось бы хоть раз увидеть тот ротик, который произносит эти слова.

- Только увидеть? – рассмеялась девушка.

Только увидеть? Это смотря как дело пойдет, думал я, когда после нескольких минут уговоров с моей стороны она назначила мне свидание. Я не очень-то верил, что телефонистка говорила всерьез.

Но она пришла! Я был поражен, не мог понять, почему такая красивая девушка назначает по телефону свидания незнакомцам. Но заставил себя сделать вид, будто считаю это абсолютно в порядке вещей. Это было чудо! Я не разочаровался и не удивился, когда она сказала, что у нее есть жених. Они обручились четыре года назад и сыграют свадьбу, когда закончится война.

Тем не менее дней через десять после первой встречи (то есть две недели назад) я признался ей в любви. Она выслушала мое признание не без интереса, и я не боялся показаться смешным. При этом она продолжала настаивать, что по окончании войны выйдет замуж. Рассказала, что у них с женихом очень мало друзей, обещала меня ему представить и пригласила прийти к ним поиграть в бридж.

Посоветовавшись с Михилем, я отказался, хотя передатчик был еще не готов и она до сих пор не знала, чего ради я с ней познакомился. Я влюблялся в нее сильнее и сильнее с каждым днем. Встретиться лицом к лицу с моим соперником мне совершенно не улыбалось.

Среда, 15 марта 1944 г. Сегодня она позвала меня к себе в гости в половине одиннадцатого утра. (Днем была свободна, потому что работала в ночь).

Полный провал!

- Фу, какая дешевка, - воскликнула она, когда я попытался ее обнять.

Во дворе, куда выходят ее окна, стоит крольчатник.

- Эти кролики, - сказал я, - не так одиноки, как я. Они сидят в своих клетках по несколько штук вместе.

- Но ты же не сидишь в клетке?

- Пока нет, но ты даже представить себе не можешь, как я одинок. У меня совсем не осталось друзей: многих отправили в Германию на принудительные работы, других посадили в тюрьму, третьих расстреляли, четвертые скрываются на каких-то фермах, вдали от Амстердама. Мне двадцать три года. Студенческая пора – это лучшее время жизни. А что получается у нас? Некоторые студенты занимаются очень странными вещами: воруют, убивают людей, ну да, ради благих целей, но все равно... а ведь в других обстоятельствах они стали бы добропорядочными членами общества.

Говоря так, я совершенно не чувствовал себя несчастным. Хоть бы она мне поверила. Я боялся, что она сочтет меня невыносимым и не почувствует сострадания к несчастному студенту.

Наш разговор опять оживился. Она лежала на животе на кушетке и, словно чтобы раззадорить меня, болтала в воздухе своими дерзкими ножками. Вид у нее был самый веселый.

Четверг, 16 марта 1944 г. Днем заходил к Михилю. С недавних пор он живет просто у родителей. Чтобы его не загребли прямо на улице, у него есть фальшивое удостоверение личности и фальшивый пропуск. Согласно документам, он учится на кондитера.

Долго разговаривал с его мамой:

- Бедняга Дауэ. Не понимаю, как можно на такое решиться. Ведь своим поступком он не спас ни одного еврея? К тому же он никогда не умел держать язык за зубами. Помню, говорил: «Если меня схватят, то молчание мне все равно не поможет, свое дело я уже сделал».

- Но мефрау, его же схватили не оттого, что он проболтался, - вежливо возразил я ей.

Иногда я подумываю, не доверять ли мою тайну Михилю. Объяснить во всех подробностях, почему у Дауэ не было велосипеда. Что его велосипед украли, пока мы были во дворе бегинок¹, а обнаружив пропажу, он не сообразил, что велосипед можно просто у кого-нибудь попросить. Поехать на дело вдвоем на мой велосипед – это будет выглядеть подозрительно, решили мы. Вот и пошли оба пешком.

Но я сдержался.

Михиль показал мне передатчик, который стоял у него просто под платяным шкафом. Их дом вне подозрений, у них нет оснований бояться, что внезапно нагрянет полиция. Аппарат будет наверняка отличный.

Четверг, 23 марта 1944 г. Ее жених богат и совершенно не ревнив. Она рассказывает ему обо всем: когда она со мной гуляла, когда мы с ней ходили в Консертгебау. Этот жених не любит концертов и театров, ходит только в кино. А ей, наоборот, так нравится в филармонии, - и мне тоже, особенно вместе с ней.

Сегодня ночью мне смутно снился Олаф. Проснувшись в четыре часа ночи, я отлично помнил этот сон. А к утру все вылетело из головы. Но тем не менее у меня

---

¹ Двор бегинок, или бегинач – расположенное прямо в городе поселение-община одиноких бегинок - женщин, которые вели образ жизни, близкий к монашеству. Религиозное движение бегинок возникло около 1170 года в Брабанте и получило распространение в Нидерландах и других странах Европы.

осталось чувство, будто мы с ним повстречались в действительности. Жутковато, три месяца спустя. Мысль о нем меня не покидает.

Со стороны канала дворик бегинок совершенно не заметен. Вы открываете дверь самого обыкновенно с виду дома, но попадаете не в переднюю, а в низкий каменный проход. В конце прохода калитка с медным колокольчиком. За калиткой находится дворик, напоминающий маленькую деревеньку. Домики исключительно двухэтажные, весь этаж размером в одну комнатку. Пол выложен красной керамической плиткой. Из-за этой плитки на полу бегинки раньше страдали озноблением ног.²

Улочки такие узенькие, что высунувшись из окна легко можно пожать руку жильцу напротив.

Язык у Олафа слишком толстый и не помещается в полости рта. Кончик всегда торчит наружу, словно тянется к носу.

Жив ли Олаф?

Он без конца читал этого мрачного Шопенгауэра. Но обычно улыбался. Даже когда рассказывал о том, как его родителей отправили в Освенцим, и как его младший брат по дороге попытался бежать, и его насмерть забили прикладами.

Рассказывая об этом, Олаф улыбался, а глаза становились влажными. Если же ему было якобы весело, он в добавок икал, как человек, которому уже вовсе не на что надеяться.

Вчера утром на полчаса зашел к Маделон. На работу ей надо было только к половине двенадцатого. Теперь она работает уже не телеграфисткой, а секретаршей в отделе цензуры там же, на Главпочтамте, и начальник у нее, разумеется, немец. В этом отделе гибкий график работы, поэтому иногда она по утрам бывает свободна.

Смотрели фотографии.

На которых ей пять лет, в Танжере. Она совсем не помнит это время, кроме того, что недалеко от места, где они жили, два человека стреляли друг в друга из револьверов, потому что поссорились из-за лошади, как ей объяснили. Отец хотел пойти посмотреть, что там происходит, но мама воскликнула: «Пьер! Не ходи туда!» Вполне естественное пожелание. У многих уроженцев Лимбурга французские имена.

---

² Ознобление - особая форма отморожения, поражение кожи при длительном повторном воздействии холода и сырости.

Фотографии, на которых ей пятнадцать лет, в Нидерландской Индии. Ее отец – инженер, как она говорит. А сейчас он сидит в японском концлагере. Маделон показала мне газетную вырезку (еженедельный список интернированных лиц, какие печатает Красный Крест); рядом с фамилией Пьера, который должен был «не ходить туда», написано «engineer». «Engineer» может значить также «машинист паровоза».

Зачем ей, вообще-то, собственная комната, здесь на Валериустраат, так далеко от Палестринастраат, где живет ее жених? Она прекрасно могла бы ночевать у него всю неделю, а не только по субботам? Быть может, она ему поднадоела, потому-то он и не ревнив?

Понедельник, 27 марта 1944 г. Утром случайно встретил на улице Рюди. Рюди тайком вернулся из Германии. Общался ли он там с другими ребятами, работавшими на заводе? Он точно ждал этого вопроса. С Фритсом Дрейверсом, сказал он. Фритс умер от тифа. Родителям разрешили приехать в Берлин, когда их сын уже лежал в гробу.

Фритс Дрейверс. В школе мы с ним два года сидели за одной партой. Я бывал у него и дома, но все равно не мог относиться к нему всерьез, потому что над его кроватью висели три фотографии Гитлера. Это было еще до мая 1940³. На одной фюрер был снят в профиль – череп, как у неандертальца; на другой он обхватил ладонями ручонку улыбающейся девочки с косичками и с кариесом на зубах; на третьей фюрер стоял со вскинутой рукой, указующей на плоды победы, ждавшие его там, впереди.

Все это я рассказал Маделон.

- Ну и стоит ли расстраиваться, если он был нацист? – спросила она.

- Да вообще-то он был хороший парень, - сказал я. – Чем-то похожий на Дауэ, наверное, потому что тоже заикался. Да, друзья у нас заики, а у врагов язык подвешен лучше некуда, так всегда бывает.

Как и Дауэ, Рюди говорил об ликвидации людей, недостойных войти в Мир Новый и Прекрасный, так, словно речь идет о стрижке ногтей. У меня в ушах стоит его голос – он говорил с немецким акцентом, потому что до шестнадцати лет жил в

---

³ В мае 1940 г. Германия напала на Нидерланды.

Германии, где его отец служил консулом или что-то в этом духе: «Фсех ефрееф надо брозить в Зеферное море. Жаль, от этого рыба сдохнет».

В этом смысле Дауэ тоже был безжалостен. Он был уверен, что после войны в нашей стране одержит победу коммунизм, и тогда «всех, кккто не ззахочет идти с нами в ногу, мы ппоставим к стенке». Он ставил своих ближних к стенке с той же легкостью, с какой воспитательница в детском саду сажает детей на горшок. Когда его спрашивали, зачем это, ведь все революции ставили к стенке тех, кто не годился для новой жизни, и разве мир стал лучше? - он принимался объяснять, что только марксисты знают, какие именно люди должны исчезнуть с лица земли, чтобы мир очистился. «Как же ты не понимаешь!»

Не знаю, что он там понимал или не понимал, когда его самого поставили к стенке. Да, в итоге он подкрепил свое слово делом, в этом ему не откажешь. Он был очень-очень хорошим человеком, надежным другом даже по отношению о мне, хоть я и не разделял его политических взглядов. Но я боюсь даже подумать о том, что он сказал бы, если бы после войны освободители пролетариата поставили к стенке меня.

Еще немного, и я заговорю с ней о тайном радиопередатчике. Тогда у нее будет хорошее оправдание: то время, что она уделяет мне, посвящено любви к отечеству. Пусть расскажет это Тьё, если он все-таки будет ревновать.

В России интеллигенты-террористы, прежде чем идти на подвиг во имя народа, отдавались друг другу. Вот и Жанна захотела отдаться Дауэ, когда тот получил задание ликвидировать дантиста Ван С. Как рассказывал Олаф, она прокралась в их домишко, краснея до корней волос от девичьего стыда. Уморительная сцена!

«Я хочу тебе отдаться!» Дауэ ощущал торжественность, святость момента. Он заплакал, потому что не мог принять ее жертву, но в то же время хотел ее принять, уже только потому, что так полагалось в русской литературе. Дауэ позвал Олафа. Потом они втроем уселись на кровать Дауэ, Олаф полностью одетый, Дауэ в пижаме, Жанна в халате Дауэ, и выпили по рюмочке можжевеловой водки. Жанну арестовали через несколько часов после Дауэ. Что с ней случилось – не знаю. С ее родителями я не знаком. Во всяком случае, в газетах ее имя мне не попадалось.

В свое время, когда Олаф описывал мне этот эпизод, я громко смеялся.

Мы вообще много смялись. И в тот роковой день, сидя вместе в приемной у дантиста ван С., мы тоже смеялись. В другие разы, когда вокруг были настоящие пациенты, мы никогда не поднимались в кабинет друг за другом. Чтобы никто не

догадался, что мы сообщники. Но в тот день в комнате ожидания сидели только мы: знак, что час настал.

Кроме нас там не было ни души. Никто нас не видел. И тогда мы вдвоем вошли в зубо-врачебный кабинет, и Дауэ выстрелил...

Маделон каждый вечер ужинает у Тьё. Сидит у него часов до десяти. А потом во все дни, кроме субботы, уходит домой.

Он ее никогда не провожает. Эти двое теперь, возможно, настолько равнодушны друг к другу, что на прощанье даже не целуются. Он отпускает ее одну в темноту и не знает, что я ее поджидаю. Он не боится, что с ней что-нибудь произойдет, и действительно, можно только удивляться, до какой степени жители Амстердама еще сохраняют добропорядочность. Сообщений о том, что в затемненном городе кого-то ограбили или изнасиловали женщину, я не слышал.

Смогу ли я после войны перестать делать то, что запрещено? Зачем работать? На поездах я всегда буду ездить без билета (разве же это риск по сравнению с тем, как рискует еврей, идущий по улице с фальшивым удостоверением личности?). Не буду оплачивать гостиничные счета. Сумею проникнуть куда угодно: безбилетным пассажиром на корабль, под видом журналиста в гримерку к кинозвезде. Буду заниматься контрабандой направо и налево.

Насколько менее желанной была бы, наверное, Маделон, если бы не принадлежала другому!

Суббота, 1 апреля 1944. Получил сегодня письмо. Пока его открывал, злился на себя так, что так дрожали руки.

«Милый Карел, сможешь ли ты прийти сегодня вечером, чтобы составить мне компанию? Тьё уехал из города до воскресенья и поручил мне следить за его домом. Ати сегодня тоже не будет. Приходи в восемь часов и позвони два раза.»

Перечитал письмо дважды. Вверху листка не было даты. Заглянул в ежедневник, чтобы узнать, какое сегодня число. 1 апреля! День смеха! Ну да, меня будет ждать запертая дверь, либо мне откроет сам Тьё и любезно пригласит в гостиную поиграть в бридж, ведь 1 апреля! Вот Маделон и добьется своего. «У нас так мало друзей.» Вот у нее и будет друг, который в собственных глазах упадет настолько низко, что станет совершенно безопасным.